

Отрывок из книги Ивана Воронина «Моя граница»

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Отрывок из книги Ивана Воронина «Моя граница»

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ИВАНА ВОРОНИНА "МОЯ ГРАНИЦА"

• *О моем друге Чури Чарыеве*

Чутьочку подробнее расскажу хотя бы об одном из наших койне-кесирских друзей – Чури Чарыеве.

Ко времени нашей первой встречи, когда я переводом из Серахса прибыл в Койне-Кесир, ему было 40 лет, и у него была довольно большая семья: добрейшая старушка-мать, хлебосольная жена Огульдурды и девять улыбчивых и красивых детей, в том числе семь сыновей – от девятнадцатилетнего студента Ашхабадского госуниверситета Аллаяра и до новорожденного малыша Расула.

Как и все жители Койне-Кесира, семья Чури принадлежала к известному среди туркмен своей боевитостью племени нохурли, члены которого считали себя прямыми потомками воинов Александра Македонского. Это племя, в свою очередь, делилось на несколько крупных родов. Особым авторитетом выделялся род чарыков – из него и происходила семья Чури Чарыева.

Я не вправе говорить о тех или иных достоинствах этого рода перед другими, но сам Чури был человеком незаурядных способностей. Я как-то слышал от него такое признание: – Если бы война не помешала мне закончить среднюю школу, я стал бы министром.

И в этом не было ни бравады, ни хвастовства – просто реальная самооценка человека. Хотя стать министром ему помешала не только война. Еще до войны для него сложились такие обстоятельства, что карьера министра вряд ли состоялась бы, получили он не только среднее, но и высшее образование. Дело в том, что его отец Чары, став первым председателем Совета

народных депутатов на верхнем Сумбаре, однажды не справился с плановым заданием по вовлечению местных дехкан в организуемый в Койне-Кесире колхоз, и над ним нависла угроза неминуемого ареста. Пытаясь избежать позора, Чары ночью, тайком от семьи, вышел во двор, затем огородом приблизился к Сумбару и, перескочив его узенькое русло, оказался на иранской стороне. Однако там его охватил еще больший страх, чем страх ареста на родине, и, проведя несколько дней в смятении, Чары вернулся-таки домой. Узнав от семьи, что как раз той ночью, когда он бежал, за ним приходила милиция, он тут же отправился к властям на милость.

Его осудили на несколько лет ссылки с последующим лишением права возвращения в Койне-Кесир и вообще в приграничные аулы Сумбара. Так еще до войны Чури потерял своего отца. Но ни это, ни годы военного лихолетья не сломили подростка, хотя и отняли у него многое из того, чего ему так не хватало затем во взрослой жизни, и потому он получал практически одновременно со своими детьми.

Он рано обзавелся семьей и стал полноправным хозяином в доме, хотя и до женитьбы все мужские заботы по хозяйству так или иначе лежали на нем. Но Чури был не только умелым хозяином в доме. Он обладал таким открытым сердцем, что и сам не мог жить взаперти, и люди не могли проходить мимо него, не замечая его как общительного, доброго и делового человека. И однажды он занял основной руководящий пост в Койне-Кесире – его избрали председателем Совета народных депутатов – того самого аулсовета, из-за которого в свое время так жестоко пострадал его отец Чары.

Чури и раньше был близок к пограничникам комендатуры и ближайших к ней застав. Он, например, с удовольствием вспоминал о своей тогдашней дружбе с лейтенантом Юрием Нешумовым с заставы «Койне-Кесир». С тем самым Нешумовым, который впоследствии командовал войсками Среднеазиатского пограничного округа и, бывая в этой связи на верхнем Сумбаре, непременно встречался с другом лейтенантской юности. Об одной из таких встреч Чури не без юмора рассказывал мне:

– Когда Нешумов служил на заставе, я работал продавцом в

аульном магазине, и он часто заходил ко мне. Мне нравилась на нем офицерская форма, и я сказал ему об этом. Однажды он принес мне в подарок офицерскую фетровую панаму. Я не знал, чем его отблагодарить, а деньги он не взял. Тогда я предложил ему бутылку водки, он и от нее отказался, но я настоял. С той поры уже, наверное, лет двадцать прошло. И когда мы с ним встретились, и я напомнил ему о той фетровой панаме и о бутылке водки, он хитро улыбнулся и сказал, что о панаме помнит, а о бутылке нет. Тогда я ему прямо сказал: «Ты мне, Юра голову не морочь». Он заулыбался и ответил: «Ну спасибо, что не забыл лейтенанта Нешумова».

Став председателем аулсовета, Чури с достоинством нес это звание и делал все, чтобы пограничная тема была всегда актуальна для депутатов, и главное, на что председатель обращал внимание, – взаимопомощь и уважительное отношение друг к другу местного населения и военных.

Его авторитет и среди жителей пограничных аулов, и среди пограничников был неизменно высок. Но однажды случилось такое, что о нем заговорили по всей среднеазиатской границе. Сам Чури и его сын, шестиклассник Аллаяр, предотвратили прорыв за границу опасного преступника, за что оба получили не только широкое признание, но и были награждены: отец – медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», а сын – путевкой в международный пионерский лагерь «Артек».

И еще об авторитете среди пограничников нашего друга Чури. Когда бывший комендант «Койне-Кеси́ра» Владимир Иванович Шляхтин принял командование Среднеазиатским пограничным округом, он одну из своих первых командировок посвятил верхнему Сумбару, и Чури был первым, с кем он встретился, прибыв в Койне-Кесир. Это была встреча давних друзей в гостях у Чури с богатым застольем. Об этом мне рассказал сын Чури, который, будучи тогда подростком, обслуживал тот праздничный стол с высоким гостем – генералом Шляхтиным.

Кстати, о самом сыне Чури. Этот девятый по счету его ребенок – Расул – ни меня, ни Нину Митрофановну, когда мы жили на верхнем Сумбаре, практически знать не мог, ибо даже ко времени нашего отъезда из Койне-Кеси́ра ему едва-едва исполнилось пять

лет. Но однажды, уже будучи взрослым, Расул по какой-то служебной необходимости оказался в Волгограде, и первое, что он предпринял, – разыскал нас: дядю Ваню и тетю Нину Ворониных. После двадцатилетнего расставания с Туркменистаном и с нашими друзьями по Койне-Кесиру, когда к сожалению, уже не стало и самих друзей, встреча с сыном одного из них была для нас не менее как встречей с далеким койне-кесирским счастьем.

Но вернемся все-таки к самому Чури. Одна из решительных акций, задуманных им в качестве главы местной аульной власти, заключалось в том, чтобы покончить с племенной мусульманской традицией, не разрешавшей девочкам учебу в вузах, техникумах и профессиональных училищах. И начал Чури с себя. Когда его дочь окончила среднюю школу, он не поторопился выдать, точнее – продать красавицу-дочь замуж, а отправил ее, как она просила, учиться в Ашхабад. Но уже на втором месяце городской жизни ее выследил совершенно незнакомый ей «жених», и в итоге лишь на третьи сутки поисков она была найдена в темном надворном сарае в одном из поселков предгорья Копетдага.

Конечно же эксперимент председателя аулсовета с отправкой девочек на учебу в город продолжения не имел. Но Чури и из этого, весьма неловкого для него эпизода нашел достойный выход. Впервые, наверное, за всю историю нохурского племени он организовал и провел для своей дочери и ее законного койне-кесирского избранника светскую свадьбу. А незадачливый «жених»-вор получил свои законные три года тюрьмы. Мог бы и больше получить, но у него все-таки хватило «порядочности» не обесчестить выкраденную «невесту».

К тому времени, когда я стал комендантом, Чури уже не был председателем аулсовета. Он руководил местным почтовым отделением. И хотя эта вполне активная в информационном отношении точка нас и самого Чури устраивала, тем не менее я предложил ему заведовать нашим магазинчиком, который снабжался базой Кизыл_Арватского военторга. Этот магазинчик котиrowался среди местного населения гораздо выше, чем многие райповские магазины в аулах. Поэтому Чури, не раздумывая, принял мое предложение и стал совсем близким для комендатуры человеком.

Нет, он не являлся нашим агентом, но был всегда в курсе всех

местных событий и отлично ориентировался в оперативной обстановке без каких-либо дополнительных наших наставлений. Чури, например, знал почти всех из 280 жителей верхнего Сумбара, поддерживавших родственные связи с жителями иранских приграничных аулов. Для него достаточно было услышать фамилию и имя интересующего нас человека, как он тут же выдавал нужные нам данные. А иногда мог и так сказать: «Человека с такой фамилией и именем среди нохурцев никогда не было и не будет. Ищите среди других племен».

К нему уважительно относились директора школ и председатели колхозов, старики и молодые люди, офицеры и солдаты границы. Прибывая по служебным делам на верхний Сумбар, прокуроры и министры, ученые и генералы непременно встречались с Чури, держали с ним совет и бывали его гостями. Я впервые услышал имя Чури, еще будучи начальником заставы в Серахсе. Когда при переводе в Койне-Кесир я случайно встретился со вторым секретарем райкома партии Николаем Николаевичем Чунаевым и он узнал, что я еду на верхний Сумбар, то сразу же выдал мне совет: «Есть там один превосходный во всех отношениях и особенно ценный для пограничников человек – Чури Чарыевич Чарыев. – Николай Николаевич взял у меня из рук блокнот и своей рукой записал это имя. – Держи с ним связь, и ты никогда не будешь иметь неприятностей среди местного населения». Так и случилось. И вот что еще надо отметить: он был авторитетен не из-за должности, а просто как человек.

Когда районному начальству понадобилось подобрать кандидатуру на должность председателя колхоза «Захмет» с центральной усадьбой в Койне-Кесире, опять же не прошли мимо Чури, и его предложение оказалось настолько удачным, что вновь избранный башлык депжался у колхозного руля более 15 лет, тогда как его предшественник едва два года протянул. Более того, новый председатель, а им стал опять-таки представитель рода чарыков – Непес Какаевич Какаев, успешно руководил не только своим хозяйством, но пристроил к нему еще два-три колхоза: от Дайне и вплоть до Махтум-Кули, что располагались вдоль по Сумбару километров на сорок. Кстати, став руководителем большого хозяйства, Непес Какаевич, прежде чем принять какое-нибудь

серьезное решение, непременно собирал старейшин аулов и советовался с ними, как ему в той или иной ситуации поступить. Чури по своей молодости совет старейшин входить не мог, поэтому с ним Непес Какаевич нередко советовался отдельно.

Непес и Чури, как представители рода чарыков, были одинаково авторитетны и дружны между собой. А затем, когда одна из дочек Непеса пришла в дом Чури на правах его невестки, они еще сватами стали. Следуя обычаям шариата, после такого породнения Чури и Непес должны были бы порвать все близкие отношения между собой. Но такого не случилось – они продолжали дружить. Более того, впоследствии они породнились еще раз, когда другой сын Чури тоже избрал себе в суженые одну из дочек Непеса.

Если, бывало, я приглашался в гости к Чури, то там встречал и Непеса Какаевича, а уж если мы с Ниной отмечали какое-либо событие, то и они непременно становились нашими гостями. Но однажды наша дружная компания едва не оказалась на грани развала.

Это случилось, месяца через два-три после того, как Чури Чарыев начал работать в нашем комендатурском магазине. Меня пригласил на конфиденциальную беседу начальник пограничного отряда полковник Данилушник. Выяснилось следующее. На моего друга по линии компетентных органов поступил оперативный донос. Доносчик сообщал, что Чарыев является сыном врага народа, сбежавшего в свое время за границу и осужденного затем советским судом к длительному сроку ссылки с лишением права на жительство в пределах пограничной полосы верхнего Сумбара. После отбытия ссылки ему было разрешено проживание в местном райцентре – Кара-Кала, и теперь у него в доме часто появляется его сын Чури. В заключение доносчик предупреждал, что дальнейшее пребывание Чарыева в коллективе пограничников комендатуры может нанести непоправимый ущерб делу охраны государственной границы. В начале встречи полковник Данилушкин явно принял сторону доносчика, и потому его вывод прозвучал примерно так:

– Обстановка вокруг вашего друга Чури настолько сложна и щепетильна, насколько и легко разрешима. Вам необходимо выйти к руководству военторга с обоснованным предложением об

освобождении вашего продавца от должности, и на этом вопрос будет исчерпан. А в дальнейшем будьте осторожнее в выборе друзей. Желательно не раздражать товарищей из особого отдела.

– Товарищ полковник, – сразу возразил я, – ничего я в военторг заявлять не буду и так просто этим доносчикам Чури не сдам.

Пойти на такую смелость перед начальником отряда у меня основания были. Всего несколько дней назад при встрече с начальником Кара-Калинского райотдела КГБ Аманиязовым я уже ознакомился с содержанием аналогичного доноса. И тогда же вместе с Аманиязовым мы пришли к однозначному выводу, на основании которого я так смело и вел разговор с Данилушкиным.

– Это чушь, – заявил я и продолжил: – Я знаю не только авторов доноса, но и преследуемую ими цель. Им хочется не нас уберечь от «сына изменника родины», а самим занять теплое местечко в магазине военторга. Ничего у них из этого не получится – Чури будет работать в нашем коллективе.

С Иваном Петровичем Данилушкиным мы были в добрых отношениях, он хорошо знал меня и верил мне, потому, заключая наш разговор, не очень строго предупредил меня:

– Ну смотри, Иван Александрович, если что-то негативное проявится со стороны Чури и комендатура окажется в прорыве, ответственность понесешь лично ты.

– Во-первых, – твердо и уверенно произнес я, – за Чури я ручаюсь как за порядочного человека и как за своего друга. А во-вторых, товарищ полковник, спасибо вам за результаты нашего разговора. Ответственность по поводу чего-то негативного готов нести хоть сейчас.

– Не торопись, успеешь, – вставил Иван Петрович и продолжил:

– Если оперативка попадет на стол начальнику войск генералу Киженцеву, отстаивать твоего, Чури будем вместе.

– Так точно, – поспешил я с ответом, и разговор закончился.

Конечно же, сам Чури ни о каком, доносе не подозревали, оставался на своем рабочем месте, пока хватало сил и позволяло здоровье. И все эти долгие годы мы были друзьями, хотя и отделяло нас расстояние сначала в сотни, а затем и тысячи километров.

Еще одна характерная для Чури деталь. Однажды, во время

похорон ребенка из нашей офицерской семьи и на койне-кесирском кладбище, я увидел Чури за чтением мусульманской молитвы. Когда он закончил, я заметил ему:

– Чури, ты же коммунист, а взялся молитву читать...

– О, Иван Александрович, отозвался Чури, не поднимаясь с колен перед холмиком могилы, – партия – это временно, а бог, – и он показал на свой высокий лоб, – бог – это вечно.

Вот и не верь после этого так называемым провидцам, но прошло всего несколько лет, и КПСС действительно не стало.

И последний эпизод. За мое без малого четвертьвековое пребывание на туркменской земле я лишь однажды видел как плакал мужчина-туркмен. И этим туркменом был не кто иной, как мой друг Чури. По его щекам катились крупные слезы. Шли последние минуты нашего расставания – я убывал к новому месту службы из Ашхабада в Киев, а Чури и Непес Какаевич возвращались в Койне-Кесир...

Вот теперь, как мне думается, уже можно сделать и более полный вывод: на какие все-таки реальные резервы мог рассчитывать комендант пограничной комендатуры, чтобы в условиях значительного некомплекта личного состава достойно справиться с задачей по охране государственной границы.

Иван Воронин «Моя граница»
город Волгоград. 2005 год.

Edebi makalalar